

—ЮРИЙ
НИКИТИН

— ЮРИЙ
НИКИТИН

К О Н Т Р ● Л Е Р

Книга первая

На пороге

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.

Н62 Контролер. Книга первая. На пороге / Юрий Никитин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-88158-1

Владимир Лавронов, доктор наук, со скальпелем в одной руке и пистолетом в другой, действует в мире за-втрашных идей, хай-тека, биотехнологий, в стремительном ритме современной жизни с ее идеалами, близостью бессмертия, сингулярности, сетевыми и религиозными войнами, локальными конфликтами и мятежами... и постоянно сталкивается с новыми вызовами глобальных рисков, какие просто не могли существовать раньше.

Обреченный на смерть неизлечимой нейродистрофией, он решается на рискованнейшую операцию. Но никто, кроме нас, читателей, не ожидал, что результат получится неожиданным.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Никитин Ю., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-88158-1

*Турчину, Батину, Ицкову —
трем китам отечественного
трансгуманизма!*

Часть I

Глава 1

Катенька так проголодалась, что набросилась на еду, как проснувшийся после зимней спячки зверек, тощий и ослабевший, почти глотала, разжевывая кое-как, подавилась, начала икать так смешно, что я жизнерадостно заржал.

Она бросала лютые взгляды, но как ни давила икотку, та не унималась, а сказать дурацкое «Икотка-икотка, перейди на Федотка, а с Федота на Якова, а с Якова на всякого» отучали еще в детском садике, дескать, нельзя за свою дурость заставлять расплачиваться других даже в нелепом пожелании диких людей, что дошло из времен не то Петра Грозного, не то вообще питекантропия.

— Чего... ржешь? — просипела она перехваченным горлом.

— Мило, — сказал я в восторге. — Тебя даже подбрасывает! Как игрушечного хомячка!

— Твоя печка... плохо готовит, — выдавила она. — Можно... припаять срок... за... такое... вредительство... народному здоровью.

— Выпей воды, — посоветовал я. — Или дать водки? Что у вас на тусовках сейчас в тренде?

Она набирала воздуха и, раздув щеки, как бурундук на заготовке зерен, терпела, но через несколько секунд ее снова подбрасывало, и она с шумом выпускала воздух, сдуваясь, как проколотый шарик, становясь такой маленькой и жалобной, что хотелось ухватить и сунуть в нагрудный карман, а туда иногда сверху запускать палец и щекотать ей пузо.

Я наслаждался, рассматривая почти с нежностью. Все-таки как ни давят нас женщины своим феминизмом и как мы им ни подыгрываем, чтобы лучше и активнее работали, и вообще чтоб в дурном азарте все делали за нас, а мы полежим на диване, нам надо копить силы для спасения мира, однако же эволюцию не отменишь, в каждую клетку нашего тела вбила свои законы.

Ей уже или все еще двадцать четыре, замужем, но ее пока что еще зовут не Катериной и даже не Катей, а Катенькой, как ребенка. И когда смотришь на милые мелкие черты лица, вздернутый носик, капризно вздернутую верхнюю губу, хотя сама Катенька ничуть не капризная, видишь жалобный вид, узкие женские плечи, а взгляд из-за ее дюймовочности всегда снизу, так что любой мужчина готов ухватить ее на руки и нести через лужи, лаву и минные поля... то да, понимаешь, что это Катенька, Катюнчик и все такое, но никак не Катерина.

— А ты почему не отвечал на звонки?.. По глазам вижу, сбрешешь!..

— Тебя ждал, — великодушно ответил я. — Сидел у окошка, подперши рожу ладошкой, и ждал. А когда уходила утром, платочком махал вслед.

— Свинья, — сообщила она. — Платочком махал!.. А у тебя есть платочек?.. Небось соплями о землю бьешь так, что почва трескается, а в Непале снова землетрясение. Или цунами.

Я добродушно улыбался.

— Не-е-ет, я в этом деле настоящий эстет!.. Как йог, выдуваю по очереди из каждой ноздри, красиво и артистично зажимая другую. Показать?

— Свинья, — повторила она. — Не видишь, я питаюсь? Хотя чего от тебя ждать, такого грубого, будто и не ботаник.

— Я тоже тебя люблю, — сказал я. — Кофе?.. Или сразу в ванну? Я там набрал для тебя воды. С ароматами, как ты любишь.

— Давай кофе, — потребовала она. — Допью в ванной. И бутерброд побольше!

— С салом?

Она округлила глаза.

— Что? Я называю это рыбой!

В ванне нежилась недолго, характер не позволяет разлеживаться, а дома, как призналась однажды, вообще ванну никогда не принимает, довольствуясь душем. А муж ее так вообще не моется, вредно смывать с себя защитный слой, есть такое мнение у физиологов, а он все эти рекомендации выполняет и перевыполняет.

Когда я разделся, смущаясь своего постоянно худющего тела, она не стала ни отворачиваться, ни говорить что-то утешающее, все равно ложь, сказала просто и небрежно:

— А ты что-то совсем исхудал... Утром я сама завтрак приготовлю. Мужчина должен питаться хорошо!

И ни слова про мою нейродегенерацию, умница и чуткая душа.

— Ты повторила слово в слово, — сказал я, — фразу главной героини в фильме «Красный аквагер»?

Она покачала головой.

— Не помню. Наверное, не смотрела.

— Смотрела, — сказал я уверенно. — Я как раз тогда к тебе заходил! Ты чесалась, как поросенок, прямо перед окном. Голая.

Она отрезала с достоинством:

— Леди не чешутся!..

— Кино сингловое, — подсказал я.

Она фыркнула.

— Да кто сингловые помнит? Я, как и все, запоминаю только сериалы. Когда в каждом сезоне по двадцать четыре серии, то запомнишь не только главного героя, но и парочку второстепенных... А сингловые фильмы кто-то в наше время смотрит?

— Только маргиналы, — согласился я.

— Сумасшедшие.

— И в синглах, — сказал я великодушно, — пока еще бывают находки. Хотя все реже.

— Отмирающий жанр, — согласилась она равнодушно. — Много чего отмерло. Отец говорил, в его детстве все поголовно в шахматы играли. Дети, взрослые, старики. Дома и в парке на скамейках... А сейчас и слова такого нет. В словарях уже с пометкой «устар.» либо «архаизм».

Она заснула, а я, оставшись наедине с собой, ощутил такую дикую тоску, как никогда раньше. Сердце почти перестало стучать, я в испуге пощупал левую сторону груди, надавил мышцу, страхась, что там под нею слабеющий мускул вдруг да перестанет работать именно сейчас.

В детстве не страшился смерти и даже бравировал, доказывал, что нужно умереть красиво, на бегу или, как говорят штатовцы, в своих ботинках.

Все так и было, потому что о бессмертии тогда еще не говорили, по крайней мере в обществе, по-

тому умереть в семьдесят или в семьдесят пять лет... да какая разница? И хотя вроде бы лучше в семьдесят пять, но если для этого нужно всю жизнь отказываться от сладкого и горького, ложиться спать только вовремя, кофе не пить, жирное не употреблять... то прибавка в пять лет того не стоит.

Другое дело, если бы сто лет! А еще лучше, тысячу.

И вот сейчас, когда понял четко и отчетливо, что мог бы дожить до бессмертия, осталось до него всего лет пятьдесят, а мне сейчас двадцать девять, к моим семидесяти девяти годам уже будет открыто, а к восьмидесяти уже создано и введено в практику.

Ну, пусть не получил бы первым и даже вторым, пусть в конце первого миллиона, но успел бы, а потом тело можно модифицировать как угодно, сделать хоть молодым, хоть кремнийорганическим, хоть в виде силового сгустка.

Но, увы, не получится. У меня одна из тех редких болезней, которые становятся в нашем мире более частыми, — нейродистрофия. Никакие физические упражнения не спасут, мышцы постоянно истончаются, а когда перестанет работать сердце, что всего лишь мышца, то все, каюк.

В нашей лаборатории, как и в сотне таких же по миру, давно работают с CRISPR, успехи есть, от дрозофил готовимся перейти к мышам, но я не дожусь, склею лапы раньше, и мои коллеги в нашей лаборатории недавно поддались на мои уговоры попробовать рискнуть и провести операцию на моем испорченном гене, что вообще-то строжайше запрещено.

Но человек не мышь, я сам это говорил сотни раз дилетантам, что требовали быстрее переносить

на человека то, что удалось на червях, а то и на бактериях.

У нас основная цель — антиэйджинг, борьба со старением, в идеале — бессмертие, но у червяка один-два выключателя старости, суметь их найти и поставить на нейтралку — уже сделать бессмертными, а вот у человека таких выключателей сотни.

Хуже того, безобидные участки генома взаимодействуют на предмет умерщвления своего носителя так усердно и умело, что все комбинации никакой компьютер пока что не сосчитает.

Попытаться проделать это на человеке, когда получается только на нематодах и дрозофилах, — неоправданный и ничем не подкрепленный риск. Даже к мышам пока подходят только авантюристы, но не серьезные, как это называется, ученые.

Выбор не ахти, но это честный выбор: или через два года неминуемая смерть от нейродистрофии, либо рискованнейшая операция, где шансы один к миллиону, если не к миллиарду. Если не повезет, умру пусть не на столе, там склеивают ласты, а через пару месяцев в собственной постели.

Вообще-то я согласился бы и на шанс один к миллиарду. Прожить всего два месяца — это все равно что не жить, там последний месяц сознание сбоят, а последние недели буду овощем, что срет в постели...

Выныривая из сна, я подумал, что дурной дом спятил: отодвигает тяжелые плотные шторы, приоткрыл окна, врубил музыку, ладно хоть тихо, сейчас еще ночь...

...нет, в окна бьет яркое солнце, Катенька сладко сопит, закинув на меня ногу почти до горла, теплая и мягкая, щека розовая, но когда оранжевый лучик упал на ее нежное лицо, веки тут же затрепетали, щекоча ресницами мне кожу на плече.

— Уже утро? — спросила она хриплым со сна голоском. — Что-то я в твоей постели всегда такая...

— Чудесная?

— Проспальная, — пояснила она сонно. — Давай вставай! Завтрак приготовил? Нет? Какой же ты мужчина...

— Уже готовится, — сообщил я. — У мужчин вкусы стандартные, так что я меню составил три месяца назад, когда купил кухонный комбайн, вот он и готовит, не переспрашивает.

— А я? — спросила она капризно. — Мои вкусы учел?

— Прости, — ответил я виновато, — ты такая редкая гостья. Скажи, когда явишься в следующий раз, я закажу роскошнейший ужин и дивный завтрак!

Она подумала, взглянула на меня оценивающе.

— Извини, не знаю сама. Тут, понимаешь, на работе появился еще и Кирилюк Игорь, статный красавец из отдела маркетинга, сразу на меня глаз положил... В постели хорош, но что-то пока что настораживает. Слишком хорош, где-то подвох.

— Муж, — сказал я, — и теперь еще Кирилюк... Понятно, почему на меня времени все меньше.

— Прости, — сказала она, — но мне, как говорит мама, пора определяться.

— С чего вдруг? — поинтересовался я. — Сроки вроде бы не поджимают.

— Ты о детях? — спросила она. — Да, еще десяток лет есть, а потом, правда, начинаются какие-то сбои в ДНК... Потому надо либо временный брак переводить в постоянный, либо чаще смотреть по сторонам.

— И тогда можно исправлять, — сказал я великодушно. — Правда, пока дорого, но все удешев-

ляется!.. А потом и вообще железячники обещают пересадить нас в тела из металла.

— Я не готова, — сказала она рассудительно, — чтобы свое прекрасное тело... скажи, у меня прекрасное?.. Говори, а то прибью!.. не готова свое прекрасное тело менять на металлическое.

— А из полиметаллов? — спросил я хитро. — Кремнийорганики?... Я вот хоть сейчас!.. Это же так здорово находиться на острие прогресса!..

Она приподнялась на локте.

— Это чем пахнет на кухне?

— Вегетарианское мясо, — ответил я.

Она повела носом.

— Из баранины?

— Это вегетарианская баранина, — пояснил я. — Для вегетарианцев. Этих баранов кормили только растительной пищей. Кроме того, я — сыроед! Сейчас это модно.

Она выскользнула из постели, юркая, как бурундук, в мгновение ока оказалась на кухне. Я видел из постели, как приоткрыла дверцу плиты и понюхала поджаривающееся мясо.

— Пора снимать, вон какая румяная корочка!.. Не пережарь.

— В самый раз, — заверил я. — У меня плита настроена точно. Знает, что я стараюсь продлить жизнь, потому запрограммирована только на здоровую пищу без вредного холестерина, аликелина, батрадокса, гэмэо и даже нейродекста.

Я отшвырнул одеяло, поднялся, но шатнуло, я торопливо ухватился за спинку кровати.

Она сделала вид, что не заметила, прощebetала, как ни в чем не бывало:

— Ты что, уже такой старый?.. А я вот подумала, подсчитала и решила, что по всем прогнозам еще не

буду дряхлой, когда бессмертие создадут. Или изобретут. И даже станет доступным для широких масс.

— Понял, — сказал я, — значит, не стоит сейчас тужиться, продлевать жизнь?

Она кивнула.

— Точно. Какая разница, стану бессмертной в семьдесят лет или в семьдесят пять?.. Пусть даже в восемьдесят! Потом все равно можно будет вернуть молодость...

— И вообще перестроить себя, — закончил я.

Она сказала мечтательно:

— Сперва верну себе свои восемнадцать лет... Или лучше семнадцать? Такая была восхитительная дурочка... Нет, только внешность той юной дурочки, но мозгами нынешнюю стерву...

— Ты не стерва, — возразил я. — Какая из тебя стерва?

— Нет? — спросила она жалобно. — А я так стараюсь!

— Для стервы у тебя базы маловато, — сообщил я. — К тому же стервой надо родиться. А потом, когда станешь молодой и подгонишь организм под моду того времени?

Она сперва не поняла, потом на лице проступило беспокойство, сказала почти жалобно:

— Биологи что-то придумают... У нашего тела еще есть резервы.

Я промолчал, оба знаем, что хотя резервы есть, но уже четко виден край, за который не выйти. Мы будем бессмертными, сможем прыгать на полста метров, поднимать одной рукой автомобили...

...однако даже простая замена биологической ткани на неорганику позволит прыгать на километры, поднимать одним пальцем грузовики, общаться со всем миром, но и то это самый первый

шажок, за которым будет неизбежный полный отказ от привычного тела, конструирование всего организма по своей воле и прихотям, создавая себя по своим чертежам и задумке, добавляя или убирая какие-то эмоции, желания, способности.

Глава 2

Она зябко передернула плечами, плотно-плотно зажмурилась и прижалась ко мне всем телом с такой страстью, словно пыталась втиснуться и спрятаться в нем от надвигающегося опасного мира.

— Не хочу даже думать о таком страшном будущем. Слишком много возможностей! Это меня пугает.

— И не надо, — шепнул я ласково в ее макушку. — Не стоит пугаться заранее.

— Но уже страшно!

— Когда будущее приблизится, — сказал я, — оно не покажется таким страшным.

— Приблизится? — пискнула она. — Налетит! Как ураган... И сметет таких, как я, будто прошлогодние листья.

— Не дам, — заявил я твердо.

— Ты меня спасешь? — спросила она с надеждой.

— Спасу, — пообещал я, — укрою, защищу.

Она пискнула:

— А кормить?

— Кормить тоже буду, — пообещал я великодушно. — Животных мы все любим.

— А я какое животное?

— Хорошее, — ответил я и поцеловал ее в нос. — Мы вообще-то всех зверьков любим, но ты еще и хороший зверек. И почти не кусаешься!

— А ты меня не обижай, — заявила она.

— А когда я тебя обижаю?

— Всегда, — отрезала она победно и чисто по-женски. — Синтия звонила?

Я сказал потускневшим голосом:

— Мне кажется, она меня избегает.

— У нее много работы, — напомнила она. — А еще учеба в бизнес-центре. Уверена, как только у нее появится окошко, тут же примчится к тебе!

— Да ладно тебе...

— Точно, — заверила она. — Мы, женщины, такие. Как только освободились от вашего гнусного рабства, сразу все мысли о саморазвитии, а все любви во вторую очередь. Нам нужно наверстать отставание от мужчин, а потом, когда будем наравне, можно будет и о всяких там лямурах!

— Ты мое золото, — сказал я растроганно, — как бы я без тебя жил.

— Я твой друг, — напомнила она серьезным голосом, — и ты можешь всегда на меня положиться. Всегда!

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала губы. Я попытался ухватить в объятия, но она увернулась и выскользнула из квартиры. На экране видеонаблюдения хорошо видно, как несется к лифту, вызвав его еще из прихожей, в тесной кабинке смотрит в зеркало, все в порядке, тушь не размазана, помада подобрана яркая, и на улицу выскочила легкая и быстрая, как стрекозка.

У меня еще час в запасе, успел просмотреть заголовки новостей, там в топе видео разрушенного Брюсселя, террористы Халифата нанесли особо мощный удар, оставив на месте столицы НАТО оплавленные руины. Город испарился, в сообщении было сказано, что это месть за посылку армии гяуров в священную Мекку и осквернение Каабы.